

Новый взгляд

Шестьдесят процентов прошлого

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

— Иосиф Михайлович, для начала — самый спростенький вопрос: что с нами сегодня происходит?

— И ответ будет «простенький»: общество переходит из канонической системы в проектную.

— Это ваша терминология!

— Она достаточно широко используется в смежных областях, но, а пересмысливать — дело нетрудное. Сегодня к этой терминологии уже прибегает определенный круг ученых.

— Каноническая — от слова «канон»!

— Да. Это система, в которой поведение и мировоззрение индивида весьма жестко и почти целиком регламентируются и направляются обществом. Человеку оставляется право выбора в весьма ограниченном числе ситуаций из ограниченного числа вариантов.

— Но разве это не противоречит его сущности?

— Так ведь общественная сущность Homo sapiens не есть что-то неизменное от времен Адама и до 1990 года. Скажем, в период расцвета сталинизма лишь считанные люди сознавали свою несвободность с режимом, тощее, были с ним несовместны. Кроме того, каноническая система имеет и свои прянки. Во-первых, человек почти не за что не отвечает лично («Я за вас помолюсь», — говорил Петр). Во-вторых, эйфория от слияния маленьких или в фантастическую силу.

— «Чувство по имени класса!»

— Да. И это очень существенная вещь. Но минусы все-таки перевешивают. Общество, которое целенаправленно пропагандирует максимуму развитию своих членов, теряет возможность двигаться вперед. И, значит, оно должно умереть.

— Зачем же истории понадобилось столь непродуктивные модели?

— А она до поры до времени была продуктивной!

— Как же это возможно?

— Ну, вот вам пример. Вспомните нашу страну конца двадцатых. И исполните, что тогда среди нас был академик Сахаров — человек с новыми идеями, со своим пониманием прошлого и высокими уровнями союзной. Благословлен, только, не в свое время.

— А дальше? А дальше, когда представители власти, они вдруг оказались у власти; их проект стал каноном. Способствовало бы это развитию общества? Безусловно. То есть все зависит от того, что выше: внедренная норма или сознание масс.

— Однако это пример из области науки бытия. А мы говорим о реально существующей системе...

— Пожалуйста. Для доказательства полезнее отнести

князь с ближайшими родственниками находились в пределах нормального. Но это путь к вырождению, к гибели. И — появились соответствующие тауры. Они, безусловно, ограничили нашего предка, зато сделали его сильнее, гарантировали роду бессмертие. Сегодня мы не нуждаемся, чтобы подобные запреты внедрились в религиозной или какой-либо иной форме извне, это уже сидит глубоко в нас. Но чтобы был получен подобный результат, человеку долгие века пришлось биться в клетке «кельзы», или, лучше сказать, он шел к этому результату, опираясь, как на посох, на канон.

— С этим разобрались. А что же такое проектная система?

— Это когда все определяется индивидом и он же за все отвечает. Иначе говоря, каждый индивид проектирует себя, свою жизнь и через себя — все общество.

— Получается, что новый человек — это человек, исходящий из своего «я»!

— Получается. Но стоит ли пугаться этой мысли, если речь идет не об эгоистическом, а об общественном «я»?

— То есть «индивидуализм» уже не ругательное слово!

— Нам сейчас придется пересматривать «цвет» многих понятий. Точнее, черно-белое счастье будет становиться многоцветным.

— Хорошо. Проектная система победила — что дальше?

— А дальше сам проект застывает и превращается в канон. И снова приходит какой-то новый проект.

— Но ведь проектное общество, по вашей терминологии, — исходит из человека. А человека — изобретено много. Как же это может застыть?

— Личности создают свои идеи, которые могут являться оптимальными для данного общества. Когда эти идеи получают подтверждение, побеждают, они становятся каноном, и этой уже роли выполняют прогрессивную функцию. А потом — исчерпывают себя, и приходит через новые проекты. Скажем, вчера нашими канонами были господство общественной собственности и известно регулируемая экономика, сегодня побеждает проект рынка.

Кстати, обратите внимание, американо-канонический проект, в как канон, как панacea. Поэтому я жду погрязнения. Поэтому я жду погрязнения.

— Исходя из этого примера и другого, насыщенного академиком Сахаровым, можно сделать вывод, что смена двух типов — это относительно частичные изменения.

— Это, если иметь в виду конкретную идею. И просто проиллюстрировано действием марксизма. А если брать историю в целом, то все преды-

дущие тысячелетия царствовал канон, и только наше человечество с ним расстается.

— Наш предок вплоть до средневековья находился в подпорах, так как был еще слишком ребенком, что ли. А когда он вырос, стал развитой личностью, каноническая система превратилась для него в путь. И пути были разорваны. Это произошло в эпоху Возрождения — во многих странах, но, увы, не в нас. И в известном смысле можно говорить, что корни нашей трагедии тянутся в конец XV века. Хотя, конечно, и уверять, что уже тогда был возможен переход к проекту, рискованно.

А как будет выглядеть ступень, следующая за проектным обществом, сказать трудно, это очень далекое будущее.

— Для нас сегодня, видимо, решить и вот какой вопрос: может ли проектный тип реализоваться в социалистической форме...

— Если понимать под социализмом сталинский или даже брежневский образец, то, конечно, нет. Если же говорить о чем-то противоположном этим образцам, то все зависит лишь от меры их реальности.

— Тогда давайте, Иосиф Михайлович, по принципу контраста еще раз вернемся в прошлое. Древние Афины — это какое общество?

— Каноническое.

— Но ведь...

— Да, демократия там была развита. Однако дело не в политической системе. И в условиях демократии, и в условиях абсолютизма могут функционировать оба типа общества. Просто демократия лучше соответствует проектному типу, потому что раскрывает его возможности. Но доля проектности в обществе растет независимо от политической системы, иногда вопреки ей. Иначе говоря, политическая надстройка вторична, она лишь форма реализации более фундаментальных вещей. В Древних Афинах мы действительно можем найти многие признаки проектного общества, но преобладал, как мне кажется, все-таки канон.

— А как выглядят, с точки зрения вашей концепции, 1917 год?

— Россия между февралем и октябрём 1917-го — это не никак-либо определенная форма, это, скорее, бесформенное, если nimis подороже понимания, политическая теоретичность. А практический, полагаю, прав был Ленин, когда писал, что реально одно из двух: либо большевики — либо монархисты, и большевики должны взять власть, потому что иначе речь пойдет не о демократии, а о коринищах. То есть были только два варианта, и оба — тоталитарные. И если я правильно понял Ленина, он знал, на что идет. Но предполагал, что новая власть сможет создать условия

для нормального развития демократии в будущем.

— Кстати, мне приходилось слышать такое предсторжение: если мы вернемся к февралю, следом неминуто подведут октябрь...

— Скорее всего, да. Потому что как в начале эпохи народные массы полностью находились в системе канонических ориентиров, а впоследствии эта ориентация остается преобладающей. Правда, февральская революция — это не эпоха большевиков, а глубинка потребности масс вернуться к канону.

— Иосиф Михайлович, связь со сказанным вот о чем бы я хотел спросить. Как мы относимся к тем, кто сегодня критикует Ленина за подвод кциальному человеку, к ассе как к инструменту и материальному!

— Я с ними солидарен. Но непрерывно будет сказано, что я критикую Ленина. Осуждать деятелей других эпох, по-моему, бессмыслище, так как мы не понимаем их, не способны понять в принципе. Мы можем лишь пытаться сделать это. А оценивать допустимо только реальный ход событий.

И вот такая оценка приходит к выводу: власть не должна указывать массам, куда кати, но обязана давать возможность развития. К сожалению, этот вывод очевиден по-прежнему для немногих. Возьмите вопрос о рынке. И правительство разрешает его с определенными данными, и радикалы придерживаются тактики подталкивания народа к новой экономике, и у консерваторов реагент категоричен: «не пущать». А все должно вырастать естественным образом. И именно поэтому я совершенно уверен, что на выходе мы получим совсем не то, на что сегодня надеемся.

— Насколько я понял, вы в любом случае оцениваете общество по довлеющей политологической модели?

— Да, но точнее — культурологической. Потому что она прорастает в психологическую (например, прямые или непрямые волны новизны), и в политику, и в систему экономических отношений.

— Ну, а конкретный человек? Скажите, в чём том тот един за окном — мы люди прошлого или канонического типа? То есть возможно ли это выйти в «бес» — да, каверзно, сегодня ситуация на канонизацию норм?

— Высится можно — это стоят специальные тела. Но в каждом человеке должно всегда напоминать, что этот будет указывать лишь на пропорции главных компонентов. А в целом, по нашим данным, картина выглядит так. Примерно каждый пятый из нас уже перешел в систему, которая означает проектного общества. Знаете, например, вот такой человек поступит с гражданином. Он мысленно выстроит

из него и избыточную информацию, к той, которая ему не нужна, останется, возможно, обидный для нас мизер. Но он хранит самому себе, и значит — и той информации, которую потребляет.

Шестьдесят процентов наших сограждан существуют в каноническом мире. Из жизненного горизонта заменят, хотя сами они это не понимают. То есть им не на что надеяться, ничего нового в их жизни не ожидается. Ни принципиально изменить ее, ни реализовать себя в чем-либо они уже не смогут. Ищут компенсацию — как правило, это какое-нибудь хобби.

Таков может быть, кстати, и наркотическая потребление информации. У человека прям-таки «организм» требует регулярного чтения газет и просмотра телепередач, а что ему предложат читать и смотреть — не суть важно. Рано или поздно он начнет на сансацию, немедленно сообщит ее всем знакомым — вот и получит компенсацию за жизнь без крыльев...

Если все существо слишком значительная численность этой группы, посмотрите вокруг. Вот, скажем, та же печать. Ведь сегодня нет абсолютно никакой разницы (кроме политических позиций) между национальными каноническими официозными изданиями и скромными неформальными: в них не статьи, а приказы, и поверху ложат «Кто с нами...?» То есть на обеих полосах доминируют люди канонической системы.

Наконец, последние двадцать процентов — это группа, переходящая от одного к другому.

Из сказанного, в частности, следует, что сегодня за одним столом — как в рабочей бытовке, так и в кабинете ректора или министра — часто собираются люди, живущие в столь разных мирах, что дилемма между ними достигает двухсот-трехсот и даже более лет...

— Но, видимо, следует так же и то, что новый тип человека не скоро станет преобладающим!

— Увы, это дело, как минимум, двух-трех поколений. Соответственно, на коренную перestroйку общества в ближайшем времени надеяться не приходится. С моей точки зрения, эти самые шестьдесят процентов прошлого в нашем настоящем будут сопротивляться любым новшествам, зациклившись на опасности для своего мира. Мира, в общем-то, уютного. Так что, когда мы говорим о сроке в два-три поколения, надо сдавать отчет, если все будет хорошо...

Беседовала
Александр АНДРЕЕВ,
спец. корр.
«Знамена чести»
Москва — Минск